

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ КОНТРАСТА КАК ОБРАЗНЫЙ КОМПОНЕНТ ИДИОСТИЛЯ Н. ГУМИЛЁВА

Контрасттын стилистикалык фигуралары Н. Гумилёвдун идиостилинин
каймак компоненти катары

Stylistic figures of contrast as a figurative component of N. Gumilyov's idiosyle

Аннотация. Стилистические фигуры контраста рассматриваются в поэтической речи Н. Гумилёва. Способы применения фигур контраста у Гумилёва широки и разнообразны, что позволяет говорить о контрасте как об одном из важнейших компонентов идиостиля.

Аннотация. Контрасттын стилистикалык фигуралары Н. Гумилёвдун поэтикалык сөзүндө каралат. Гумилёвдун контраст фигураларын колдонуу ыкмалары кеңири жана ар түрдүү, бул идиостилдин маанилүү компоненттеринин бири катары контраст жөнүндө айтууга мүмкүндүк берет.

Abstract. Stylistic figures of contrast are considered in N. Gumilyov's poetic speech. Gumilyov's methods of using figures of contrast are wide and varied, which makes it possible to speak of contrast as one of the most important components of idiosyle.

Ключевые слова: стилистическая фигура; контраст; идиостиль; Николай Гумилёв.

Урунттуу сөздөр: стилистикалык фигура; контраст; идиостиль; Николай Гумилёв.

Keyword: stylistics figure; contrast; idiosyle; Nikolai Gumilyov.

Основными фигурами, построенными на контрасте, являются антитеза, оксюморон, парадокс и антифразис. Контраст известен стилистике с давних времен; он представляет собой парадигматический принцип организации названных тропов и фигур и реализуется через два специализированных способа – способ противоположности и способ противоречия. Фигуры контраста играют большую роль в поэзии Н. Гумилёва – последнего романтика русской литературы.

Антитеза определяется как «стилистическая фигура контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний» [10]; «одна из фигур речи, а именно стилистический прием усиления выразительности за счет резкого противопоставления, контраста понятий или образов» [7]. Использование антитезы есть противопоставление в узком смысле («антитеза – фигура речи, состоящая в антонимировании сочетаемых слов» [1]).

Общепризнанно, что в основе антитезы лежит явление антонимии: «Основная стилистическая функция антонимов – быть лексическим средством выражения антитезы» [2, 61]. При построении антитезы используются языковые антонимы или создаются речевые (оказиональные) антонимические отношения слов.

При анализе стихотворений поэта (из сборников «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо» и др.; всего 190 стихотворений

разных лет) и поэмы «Открытие Америки» мы извлекли 103 примера антитезы, то есть эта фигура встречается более чем в половине произведений.

Л.А. Корнилова предлагает семантическую классификацию антитез, согласно которой антитезы бывают узуальными и окказиональными (смысловыми). *Узуальная* антитеза формируется, как правило, с помощью контраста словарных (языковых, простых, одноаспектных) антонимических пар. *Окказиональная* антитеза в основе своей имеет глобальное понимание антонимии и, в частности, контекстуальные антонимы. «Наличие таких антонимов в антитетической конструкции обеспечивает реализацию контекстуального антонимирования слов, не противоположных по своей семантике, но вариативных для контрастного противопоставления в том или ином контексте» [5, 243]. Согласно этому принципу мы классифицировали антитезы, дополнив классификацию другими параметрами.

1. Узуальные антитезы (52 примера) мы разделили на подгруппы по частеречной принадлежности антонимических пар. Наиболее многочисленной оказалась группа с антонимами-существительными (30 примеров). Чаще других нам встретились пары, противопоставляющие:

а) верх и низ: *Я возревновал о славе Отчей, / Как на небесах, и на Земле; Храм твой, Господи, в небесах, / Но Земля – тоже твой приют; Мы видели горы, лес и воды, / Мы спали в кибитках чужих равнин;*

б) запад и восток: *Там, где запад сходится с востоком; Туарегов, что западной правят страной, / На востоке не любят тиббусы; Когда пылает запад и когда горит восток (последнее противопоставление можно рассматривать и как противоположные временные отрезки – утро и вечер, восход и закат).*

в) сон и явь: *Сон и явь сливаются в одно; Всё прошло, как сон! А в настоящем - / Смутное предчувствие беды.*

г) рождение, жизнь и смерть (начало и конец): *Взором жрец его вновь спросил / О рожденье, преображенье / И конце первозданных сил; Выше горя и глубже смерти – жизнь!*

д) свет и мрак, день и ночь: *Путь этот – светы и мраки; Море Красное, ты царственно днем, / Но ночами вдвойне ослепительно ты! Целый день я бродил в тоске, / И мне снилось ночью: плыву я...; До глубин ночами и днями / аметист светился и цвел;*

е) временные отрезки: *И как преступен он, суровый, / Коль вечность променял на час; Порою казалось – идем мы годы, / Казалось порою – лишь день один;*

ж) чувства: *И вот опять восторг и горе; Провозвестник радости, не бедствий; Веселы, нежданны и кровавы / Радости, печали и забавы; За все печали, радости и бредни; И к упоениям приучен, / И к мукам горше во стorkрат.*

Как мы видим, большинство антонимов в приведенных примерах антитез – комплементарные, то есть «понятия, входящие в такие пары, взаимно дополняют друг друга до целого. Парадигмы таких антонимов представлены всего двумя членами (если не считать их синонимов): истинный – ложный». [11, 230] В нашем случае это пары *смерть – жизнь, день – ночь, явь – сон, запад – восток, небеса – Земля*.

Здесь присутствуют и так называемые градуальные антонимы, которые «выражают качественную противоположность, обнаруживая градуальную (ступенчатую) оппозицию. Такая оппозиция характеризует постепенное изменение качества, свойства, признака и т.п.». [11, 229] В приведенных антитезах это *горы – холм – горка – плоскогорье – равнина, упоение – восторг – радость – печаль – горе – бедствие – муки, вечность – годы – день – час*.

Также в стихах Н. Гумилёва мы обнаружили антитезы, построенные на противопоставлениях по размеру (*Под покровом ярко-огненной листвы / Великаны жили, карлики и львы*), по интенсивности проявления признака (*Оглушенная ревом и топотом... / О тебе, моя Африка, шепотом / В небесах говорят серафимы; Ты была безумием моим / Или дивной мудростью моею*), по векторной направленности действия

(горькие ответы и вопросы), по отношению (нежный друг мой, беспощадный враг), по последовательности действий (нет конца обетам и изменам), по другим признакам (Возлюбил и сушу и море; Моя любовь растопит адский лед / И адский огонь слеза моя зальет; Вместо славы и великолепий, / Дай позор мне, Вышний, дай мне цепи!).

Также достаточно частотны пары антонимов-прилагательных (10 примеров). Здесь мы встретили пары, противопоставляющие объекты а) по цвету (Камень черный, камень белый, много выпил я вина; На траурно-черных волнах неньюфары, / Как думы мои, молчаливы, / И будят забытые, грустные чары / Серебряно-белые ивы), б) по скорости движения (Я помню дни: я, робкий, торопливый, / Входил в высокий кабинет, / Где ждал меня спокойный и учтивый, / Слегка седеющий поэт; Чтоб не было порывистых движений, / Чтоб музыка была пластичных поз), в) по красоте (И так по-земному прекрасны и грубы / Минуты труда и покоя; Повесть жизни ужасной и чудной), г) по возрасту (И, быть может, немного осталось веков, / Как на мир наш, зеленый и старый, / Дико ринутся хищные стаи песков / Из пылающей юной Сахары), д) по другим признакам (В человеческой темной судьбе / Ты – крылатый призыв к вышине. // Освещается им (сердцем) бытие / Всех земных, всех бескрылых племен; Моя мечта надменна и проста; Созидающий башию сорвется... / Разрушающий будет раздавлен...).

Антитезы с парами узуальных антонимов-глаголов представлены 8 примерами. Они характеризуют а) чередующиеся движения по их направленности (Люди входят и уходят; На колени падал, поднимался; Взлетели кости, звонкие, как сталь, / Упали кости – и была печаль), по фазам – началу и концу (Разбежалась и замерла... скала); б) противоположные сменяющиеся чувства (Он может улыбаться и смеяться, / Но плакать... плакать больше он не может).

Наиболее часто встречаются антонимы, связанные с жизнью, ее началом и концом и с новым ее началом: Машенька, ты здесь жила и пела... / Может ли быть, что ты умерла?; В этот час я родился, / В этот час я умру; Убивая и воскрешая, / Набухать вселенской душой.

Очень немногочисленны примеры использования для построения антитез языковых антонимов-наречий (3 примера: Задрожат огоньки / Вперед и сзади; Его Вам было мало или много; Там вечером и страшно и красиво) и антонимов-частиц – 1 пример: Вон там, у клумб. Вы мне сказали «да». / О, это «да» со мною навсегда. / И вдруг сознание бросит мне в ответ, / Что Вас, покорной, не было и нет.

Такие антитезы описывают либо выбор одного из двух (много – мало, да – нет), либо соединение в одном предмете разных противоположных качеств, свойств (вперед и сзади, страшно и красиво).

II. Окказиональные антитезы (51 пример) построены на соположении противопоставляемых понятий, которые в языке не оформлены как антонимы. Это могут быть слова как одной и той же части речи, так и разных.

Наиболее часто у Н. Гумилёва противопоставлены душа и тело как неземное, духовное земному, материальному: Душа предстала предо мной и тело; Мы меняем души, не тела; И телу я сказал тогда: «Ответь / На всё провозглашенное душою».

Также противопоставляются Гумилёвым ад и рай, причем ад не назван прямо, всегда для его обозначения использована перифраза: Та страна, что могла быть Раем, / Стала логовищем огня; Чтоб войти не во всем открытый, / Протестантский, прибранный рай, / А туда, где разбойник, мытарь / И блудница крикнут: «Вставай!». Частоты противопоставления по социальному положению: Принцем был отвратительный нищий; Там брошу лохмотья и лягу, / И буду во сне королем, А люди увидят бродягу / С бескровным, землистым лицом; ...бывший то властителем, то нищим.

Особенностью стихотворений поэта можно назвать антитезы с окказиональными антонимическими парами (рядами), одним из членов которых выступает слово страшный (или близкие ему по значению): В этот страшный и светлый час; Как хороши, как человечны / Когда-то страшные глаза; И этот голос, нежный и зловещий, /

Уже читающий стихи! Черты измученного болью, / Теперь прекрасного лица; старый ворон... был лебедем, нежным и белым; И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача! «Страшное» противопоставлено словам славной, нежный, хороший, образует с ними разные пары контекстуальных антонимов и разные антитезы, показывая противоречивую суть явлений.

Для поэта важно неразрывное соединение в один и тот же момент времени контрастных или несовместимых в обыденной жизни чувств: Много их, сильных, злых и веселых; Надо вечно петь и плакать этим струнам; Она глядит, она поет и плачет; Подними высоко руки/ С песней счастья и разлуки; Бешенством ваши нальются сердца и печалью; Страстная, как юная тигрица,/ Нежная, как лебедь сонных вод; Провозвестник радости, не бедствий,/ И над портом, словно тяжкий стон,/ Слышен гул восторга и приветствий. Последний из приведенных контекстов представляет собой пример того, насколько неоднозначно поэт оценивает окружающую действительность – даже радостные крики толпы.

Для поэта предметы и явления мира противопоставлены по самым различным признакам. Например, временные показатели выступают как границы человеческого существования (Весь срок от первого земного дня/ До огненного светопреставленья); показателями времени выступают также слова надежды как то, что связано с будущим, и воспоминание как то, что связано с прошлым (нет надежд и нет воспоминанья); слово вперед с пространственным значением (Рем отвечал: «Что было прежде,/ Надо забыть, глянем вперед»).

Н. Гумилёв часто объединяет в антитезе понятия, обозначающие дом, уют, родное и обжитое пространство и противоположные им дикие, дальние или мертвые места. Это мы видим в следующих контекстах: От родных селений, мирных нег/ К диким устьям безымянных рек; И умру я не на постели, .../ А в какой-нибудь дикой щели,/ Утонувшей в густом плюще; «Здесь будет цирк, — промолвил Ромул, —/ Здесь будет дом наш, открытый всем»,, «Но надо поставить ближе к дому/ Могильные склепы» — ответил Рем; Кончен ряд железных сновидений,/ Тихи гробы сумрачных отцов,/ И ласкает быстрый Тибр ступени/ Гордо розовеющих дворцов; Встают пустыни, города...; Дай за это дорогу мне торную,/ Там, где нету пути человеку.

Приведем интересную антитезу, в которой участвует две пары противопоставлений: Храм твой, Господи, в небесах,/ Но Земля – тоже твой приют. Здесь мы видим противопоставленность верха и низа (небеса – Земля) и пышности/ убогости жилища Бога (храм – приют), которые пересекаются, создавая «квадрат»:

храм	≠	приют
↓		↓
небеса	≠	Земля

Для поэта также характерно интересное контрастирование природных явлений и объектов: Ни риф, ни мель ему не встретятся; Для кого не страшны ураганы,/ Кто изведаль мальстрёмы и мель (Мальстрём – водоворот в Норвежском море – А.О.-К.); И под Солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном; Я читаю стихи драконам,/ Водопадам и облакам; На полярных морях и на южных; Мы видим горы, лес и воды. Сюда же можно отнести и пары антитетичных по признаку «холод – жар» понятий, как в следующих примерах: Еще от алых женских губ/ Его пылали жарко щеки,/ Но взор очей уже был туп,/ И мысли холодно-жестоки; Много их, сильных, злых и веселых.../ Умиравших от жажды в пустыне,/ Замерзавших на кромке вечно льда...; В каждой луже запах океана,/ В каждом камне веянье пустынь.

Последний пример интересен двойной антитезой, противопоставляющей, с одной стороны, океан пустыне, а с другой – лужу океану и камень пустыне как малое – большому. Снова получается «квадрат» антонимов, в котором каждый член не равен двум близлежащим:

лужа	≠
------	---

океан
 ≠ ≠
 камень ≠
 пустыня

Все приведенные антитезы имеют объединяющую функцию, то есть показывают охват всего ряда явлений с помощью указания на их противоположность.

Мы встретили антитезы, включающие противопоставление явлений по громкости звука (*И свирель тишину печалит, / И серебряный гонг заревет; Закричал громогласно... / ...красный / И пернатый огонь. // Ветер милый и вольный... / Хлещет дерзко и больно / По щекам тишины*), наличию и отсутствию движения (*Чтоб не было порывистых движений, / Чтоб музыка была пластичных поз; ...минуты труда и покоя*), по скорости и характеру движения (*Голодом и Страстью всемогущей / Все больны, - летящий и бегущий, / Плавающий в черной глубине; Звуки мчались и кричали... / И металась в гулкой зале... // И по девичьим улыбкам / Плыли тише и лилейней. // А потом с веселой дрожью / Тихо падали...*). Последняя антитеза – сложная, включающая не только ряд *мчались – металась – плыли – падали*, но и пару *кричали – тише*.

Интересна сложная антитеза в строке «Выше горя и глубже смерти – жизнь!», где есть и узуальные контрастные антонимы *жизнь – смерть*, и окказиональные *выше – глубже*, находящиеся в языке в парах *выше – ниже* и *мельче – глубже*. Н. Гумилёв берет «крайние очки» этих пар и получает ярчайший контраст, исключая «золотую середину». Очень похожий прием находим и в четверостишье: *Созидающий баиню сорвется, / Будет страшен стремительный лет, / И на дне мирового колодца / Он безумье свое проклянет*.

В следующем примере антитеза сочетается с оксюморон: *Упреки льстивые и гул молвы хвалебной*. Благодаря противоречию внутри противопоставления антитеза оказывается осложненной семантически, глубокой и неоднозначной.

Выделяется два количественных типа антитезы: простая, основанная на использовании одной антонимической пары, и сложная, которую иногда называют аллойозой (аллойозисом). Аллойоза понимается как «разновидность антитезы, заключающаяся в развернутом сопоставлении двух характеристик предмета (в широком смысле)» [6, 30]. При этом одна пара антонимов усиливает и углубляет смысловое впечатление от второй. При помощи сложной антитезы осуществляется парное противопоставление объектов.

Большинство антитез Н. Гумилёва – простые; сложных метафор нами было встречено всего 11, причем 9 из них представляют собой сочетание пар узуальных и окказиональных антонимов, например: *Моя любовь растопит адский лед / И адский огонь слеза моя зальет* (другие подобные примеры мы рассматривали выше). Два примера антитез включают по две пары только окказиональных антонимов: в стихотворениях «Мечты» (*ворон – лебедь, принц – нищий*) и «Мои читатели» (*умиравших от жажды – замерзавших, пустыня – лед*).

Что касается функций антитезы в поэзии Н. Гумилёва, то основными являются функция психологического осмысления объективной и субъективной действительности и характерологическая функция в разных ее разновидностях (характеристика предмета, ситуации, речевая характеристика героя, функция описания ситуации др.).

Некоторые исследователи расценивают оксюморон и парадокс как разновидности антитезы, однако в силу различия их экспрессивных функций мы склонны рассматривать их как самостоятельные фигуры.

Наиболее активной формой противоречия качества является **оксюморон**, то есть «соединение двух понятий, противоречащих друг другу, логически исключаящих одно другое» [9, 273]. «Как и антитеза, оксюморон предполагает наличие двух членов и, таким образом, является парной фигурой. Их отличие в том, что если в антитезе

противопоставление понятий, образов доведено до максимума, то в оксюморе оно сливается в одно целое, общее для обоих составляющих его элементов» [4, 267].

Лингвистической базой оксюморона, как и антитезы, является антонимия. Подчеркнем, что в поэтических текстах Н. Гумилёва практически все оксюморонные сочетания построены на окказиональных антонимах. «Антонимичная характеристика одного проявления через другое в пределах оксюморона обуславливает специфичность взаимосвязи его компонентов: они относятся друг к другу как главное и зависимое, определяемое и определяющее... Чем лаконичнее оксюморон, чем меньше слов разделяет его компоненты, тем острее его противоречие». [8, 238] Контактное расположение противоречивых понятий усиливает эффект несовместимости, контраста. К усилению контраста приводит также отсутствие в структуре оксюморона средств противопоставления (противительных союзов, союзных слов, параллельных конструкций).

Всего в произведениях Н. Гумилёва нами было встречено 40 примеров оксюморона. Мы классифицировали их а) по грамматической структуре, б) по языковому уровню, на котором реализуются оксюморон. К структурным типам оксюморонных конструкций относят: сочетания антонимических слов, основанные на сочинительных и подчинительных связях.

На основе сочинительной связи (то есть соединении слов одной части речи) построены, например, следующие оксюмороны: *прикосновенья губ стыдливо-страстных; горестно-смеющийся идол металлический; смешно святое слово друг?; ... всю жестокую, милую жизнь*. Все они образованы на основе окказиональных антонимов. Пара *стыдливый – страстный* образована на основе языковых пар антонимов *стыдливый – бесстыдный* и *страстный – холодный*, где слово *страстный* выступает в значении 'чувственный, плотский'. Это позволяет противопоставить его слову *стыдливый* и образовать оксюморон. Слово *горестный* имеет антонимы *радостный, счастливый, веселый*, которые близки по значению слову *смеющийся*, поэтому объединение слов *горестный* и *смеющийся* в одно сложное слово образует оксюморон. В сочетании «жестокая, милая жизнь» слово *милый* в данном случае имеет антоним *ненавистный* и синонимы *участливый, милостивый*, близкие, в свою очередь, синониму слова *жестокий – милосердный*. Сочетание «смешно святое слово друг» мы отнесли в эту группу, так как оксюморон создают два прилагательных, равно зависимых от одного и того же слова. Окказиональные антонимы *смешно – свято* противопоставлены, как слова *комично – благородно*.

Таким образом, мы видим, как оксюморон в художественном тексте, строясь на окказиональных антонимах, опирается все же на языковую антонимию.

На основе подчинительной связи возможны следующие построения:

1) «сущ.+сущ. в косв. пад. с предлогом или без него»: *дремучий сон бытия; океан огня; водяной карнавал в африканской пустыне*. Они основаны на окказиональных антонимах, противопоставление которых, однако, осознается без труда. Например, сочетание «сон бытия» основано на противоположности яви, в которой протекает бытие, и сна, в котором жизнь в полном смысле невозможна. Заметим, что мы уже встречали подобное противопоставление - антитезу «сон и явь сливаются в одно». Как отмечается, Н. Гумилёв практически не посвящает стихов своему времени. Если же тема современности и присутствует, то описание ее больше похоже на сказку или сон, чем на свидетельства очевидца. Часто действительность видится поэту как страшный, мучительный сон, а забвение, наоборот, - это свобода и счастье.

2) «глагол+сущ.»: *слушать мертвых соловьев; Каждой ночью в тьме безмерной / Я вижу милый странный лик*. Здесь противоречие заложено в невозможности совершать действие в определенных условиях: нельзя услышать звук, который никем не издается; также нельзя увидеть предмет без источника света («в тьме безмерной»).

3) «наречие+прилаг.»: *Горько счастлив темной я судьбою*. Слово *горький* в одном из значений имеет синоним *несчастный*, который является антонимом слову *счастливый*. Таким образом, данный оксюморон построен на языковых антонимах.

4) атрибутивные конструкции («прилаг. / прич.+сущ.»). Примеры таких конструкций мы разделили на две подгруппы по главному слову:

а) главное слово – существительное: *четкие сны; каменный кактус; адский лед; пустынная река; из мглы белёсой; в печали бурной; сладкая печаль; упреки льстивые; темный серафим; ничтожная сила; мраморные души; слова жестокие любви; прямой и честный враг; жалок голос одинокой музыки; песчаный разлив (пустыни); солнце в бездне огненной воды; это было золотую ночью; туман над водной степью; милой смерти неслышимый лёт; грубая прелесть своею; мучительная красота* и др.;

б) главное слово – прилагательно/ причастие: *счастьем душа обожжена; созидающий в груди развалин*.

Многие из них, как мы видим, построены либо на языковых антонимах, либо на противопоставлении слов, которые в языке осмысливаются как обладающие противоположным набором качеств.

Оксюмороны и конструкции, соединяющие далекие в смысловом отношении понятия, реализуются в различных синтаксических единицах (в сложном слове, словосочетании, предложении). Оксюмороны, реализующиеся на основе сложного слова: *прикосновенье губ стыдливо-страстных* и *горестно-смеющийся*. На уровне простого и сложного словосочетания реализуется большинство встреченных нами оксюморонов: *дремучий сон бытия; океан огня; горько счастлив; пустынная река; слова жестокие любви; слушать мертвых соловьев* и др. Оксюмороны, реализующиеся на уровне предложения: *Не проси об этом счастье, отравляющем миры; И воистину светло и свято/ Дело величавое войны*.

Преобладающая модель построения оксюморона у Н. Гумилёва – подчинительные сочетания «прилаг./ прич. + сущ.», семантически базирующиеся на преимущественном соположении неузואльных антонимов. Соединение в единое целое несочетаемых понятий, их столкновение связаны с особенностями миропонимания поэта: в оксюмороне выражается представление о мире как единстве противоположных начал, их борьбе и взаимодействии.

Антифразис, употребление слова в противоположном значении, встречен один раз: *Я далее слушать безумца не мог./ Я поднял сверкающий меч./ Певцу подарил я кровавый цветок/ В награду за дерзкую речь*. Мы видим, что контекст даже небольшого отрывка не позволяет рассматривать эти слова в прямом значении: *подарить кровавый цветок* – значит нанести рану или убить; *награда за дерзкую речь* – наказание.

Парадокс, изречение или суждение, резко расходящееся с общепринятым мнением или здравым смыслом, всегда оригинален. Парадокс Н. Гумилёва «выворачивает наизнанку» ходовые сентенции: *Губы смерти нежны, и бело/ Молодое лицо ее*. Смерть в обыденном сознании связывается не с молодостью и нежностью, а скорее со старостью, ужасом, холодом и под. Другой пример: *И, символ горнего величья, / Как некий благостный завет,/ Высокое косноязычье/ Тебе даруется, поэт*. Косноязычье никак не связывается с поэтическим творчеством, с мастерским владением языком. Поэт же говорит здесь не о языке, а скорее о тех переживаниях, которые являются главными в поэзии и которые часто с помощью языка выразить невозможно. Также поэт с помощью парадокса выражает глубокую мысль о бытии всего живого на Земле: *Нет, в этих медленных, инертных/ Преображеньях естества –/ Залог бессмертия для смертных./ Первоначальные слова*.

Как мы видим, сфера применения фигур контраста в поэтической речи Н. Гумилёва очень широка. Частое, широкое и разнообразное использование фигур контраста говорит о том, что они являются одним из важнейших компонентов идиостиля Н. Гумилёва.

Список цитируемых источников:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. – 4-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002
3. Гумилёв Н. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Альфа-Книга, 2017
4. Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Языки русской культуры, 1998
5. Корнилова Л.А. Структурно-функциональная характеристика антитезы (на материале английского и русского языков) [Электронный ресурс]// Вестник ТГУ. – Выпуск 5 (97). – 2011. – С.241-244. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-funktsionalnaya-harakteristika-antitezy-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov>
6. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник/ под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003
7. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003
8. Павлович Н.В. Семантика оксюморона// Лингвистика и поэтика/ отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – С. 238-247
9. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. – М.: Оникс, 2001
10. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985
11. Современный русский язык: учеб. для филол. спец-тей ун-тов / Под ред. В.А. Белошапковой – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989

Рецензент: *Караханиди К.С.* – кандидат филологических наук, доцент
КТУСТА имени Н. Исанова